

АНДРЕЙ КВИНОВ

Будни
капитана
Ларина

Андрей Владимирович Кивинов
Блюз осеннего вечера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141514

Будни капитана Ларина: Нева; 2003

ISBN 5-7654-3049-X

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Кивинов

Блюз осеннего вечера

Глава 1

Я так и знал! Вернее, чувствовал. Этим самым анекдотичным внутренним голосом. Хотя голосом чувствовать нельзя, к голосу можно прислушиваться. Но я почувствовал. Все один к одному. Теперь даже ума не приложу, повезло мне или нет. О-о-о, товарищ Ларин, да вы бегом должны бежать до ближайшей церкви или, по крайней мере, женского монастыря и свечку Богу ставить. За здравие своей души. Что бы вы тут сделали своей дубинкой-палочкой и полудетским газовым баллончиком, который наверняка не пшикает? Разве что регулировщиком прикинулся бы, палочкой размахивающим. «Вы, пожалуйста, сюда, не задерживайте народ. А вы стойте. Стойте, вам говорят!» И ртом так: «Пш-ш-ш, пш-ш-ш...»

Так что радуйтесь. Живы-здоровы, стоите здесь в своей пятнисто-маскировочной форме, как на выставке камуфляжной моды. А могли бы лежать, как эти двое.

Да, но...

Что «но»? Да то, что ни стоять, ни лежать я сегодня вообще никому не должен. Вчера отстоял положенное. А Юрок

молодец! Тоже небось почувял. Внутренним голосом.

«Ой, Киря, выручай. Я за тебя потом отстою. Теща из Воронежа приезжает, встретить надо бы. У меня и так с женой... Ну, сам знаешь...»

Что любопытно, ничего я не знал. То есть абсолютно. Мало ли что там у него с женой. Это он для убедительности. Теперь-то я понимаю, что для убедительности. А вчера, ясное дело, не въехал. Теща – дело святое. Не объект для анекдотов, а теща.

Лады, Юрок. Со скрипом, но только ради тещи. У меня, видишь ли, тоже кое-что намечалось. Придется отменить, понимаешь? Ах, пузырь с тебя? Да ладно, без пузыря перебьюсь. Гуд бай.

И черт меня дернул подойти к телефону. Лежал бы себе спокойно, смотрел ужасы по кабелю. И никто вроде звонить не должен был. Так нет ведь, подошел... И ужасы сразу стали как-то не в радость, да и настроение – в трубу. А говорят, предчувствий не бывает. Конечно, не бывает. Это сейчас вот думаешь там внутри что-то шевельнулось. А на самом деле просто неохота было еще один день торчать в душном полуподвальном магазинчике, смотреть на осточертевшие прилавки со второсортной «заграницей», на покупателей, заходящих не купить, а поглазеть, на продавщиц, которые с виду-то ничего, но все как одна понурые какие-то – ввиду скучности работы.

Но назвался груздем – будь добр. Поэтому сегодня сто-

ял, скучал, глазел. Охранял, одним словом. Не магазинчик, разумеется. Тут, вместе с кассовыми аппаратами и светильниками под старину, даже на «шестерку» десятилетней давности не наберется. Дай Бог на «Запорожец»! И получал я свои суточные-охранные не за жвачку и колготки. И одет был как пугало не ради безопасности девчонок-продавиц. Вот насчет пугала, это я точно подметил. Но приходилось наряжаться. Установка не моя. Чтоб неповадно было всяким, которые имеют намерения. Намерения безвозмездно забрать валюту и родные российские из пункта обмена то на это.

Так уж получилось, что в этом «шопе» киоск поставили. Понятное дело – банк новый, молодой, если можно так сказать. С красивым названием «Аякс». «Аякс-банк». Связей мало, места торговые в престижных заведениях стоят дорого, но мы пока не гордые, пристроимся, где подешевле. В «шопе» этом, к примеру. Тут и уютно, и спокойно. Хм, насчет спокойствия я бы сейчас не очень...

Ну а на ножки встанем, сразу снимемся отсюда. Куда-нибудь в «Пассаж» переедем или в «Гостинку», на худой конец в Мариинский театр. Всему свое время – «Астро-банк» тоже не с Невского начинал и не с правительственных кредитов.

Но мне-то что? Какая разница, где скучать? Что в «Пассаже», что здесь. Лишь бы хозрасчет соблюдался. Отскучал – получи. Без обмана. Да вроде все пока без него самого. Стоял – скучал, получал – радовался. Потому что неплохо получал. Ну а в нынешнем положении для меня это вообще жила

ЗОЛОТОНОСНАЯ.

Потому что еще месяц назад я стоял с разведенными руками, с последней «штукой» в кармане – да и то одолженной – и с острым желанием на кого-нибудь поработать. А тут! Денег имею в три раза больше, чем на последнем месте работы, а головной боли – аж вчетверо меньше. Что ж не радоваться? Повезло, что встретил старого приятеля, повезло, что открылся новый банк, повезло, что, как всякому банку, этому необходим был отдел безопасности, куда приглашались люди с определенным опытом. Повезло, что приятель словечко замолвил.

Без него даже с опытом могли не взять. А опыт у меня какой-никакой, но имелся. Не палкой махать, конечно, и не демонстрировать народу ушу-укушу, потому что как раз в этих областях у меня с опытом легкая напряженка. И дерусь я в случае чего по-рабоче-крестьянски, с применением любого подручного материала. У меня имелся опыт несколько иного рода – шесть лет оперативно-розыскной деятельности в шкуре опера отделения милиции. Поэтому при приеме на работу мне сказали: «О-о-о! Такие люди нам нужны, сработаемся», что, впрочем, говорили и всем остальным будущим охранникам-вышибалам.

Срабатываться меня поставили не на должность начальника охраны, а в мой любимый «шоп» – караулить ларек обмена валюты новоиспеченного банка.

Магазинчик располагался в подвале жилого дома, в ожив-

ленном месте и на территории моего бывшего отделения, откуда пару месяцев назад меня вежливо попросили.

А поэтому я частенько видел своих бывших коллег – оперов, участковых, постовых. Перекидывались приветами, улыбочками, сплетнями.

Однообразие и скучность моей новой работы компенсировались достаточной финансовой поддержкой, и до сегодняшнего дня я, в общем-то, шибко не тосковал по романтике милицейского прошлого. Хотя не таким уж романтичным оно было. Да...

Тьфу, зараза!... Подписался ведь. А теперь что? Вроде и не виноват, а виноват. По всем статьям. Разводи руками, не разводи...

Я вытащил из-за пояса никчемную дубинку и опустился на ступеньки. Там, в зале магазина, уже развивалось милое сердцу действо – эксперты мазали порошками стенки киоска, щелкали вспышками фотоаппаратов; оперы опрашивали двух вусмерть перепуганных продавщиц; судебный медик склонился над одним из убитых; Шурик Антипов – нынешний зам по оперативной работе – названивал, докладывая обстановку вышестоящему начальству; следователь прокуратуры писал протокол осмотра. Спустя два месяца после моего ухода никакой осязаемой разницы в общей процедуре осмотра места происшествия не наблюдалось.

Я вкратце объяснил что смог, и меня попросили подождать, чем я и занимаюсь, сидя на ступеньках.

Антипов, пижончик, марку держит. Меня вроде как и не знает. Вроде как. Будьте любезны. Ждите. Вас допросят.

Я-то не обижаюсь. Слишком хорошо Шурика знаю. И не удивляюсь так резко изменившемуся после назначения на новую должность облику. Не внешнему, само собой. А вот этому – «Будьте любезны». Буду, буду, гражданин новый начальник.

Скрип открывшейся наверху двери, краткий обмен репликами с постовым. Не оборачиваюсь. Вероятно, из банка. Туда уже позвонили.

– Ларин, мать твою, ты и здесь уже успел влипнуть?!

Узнать меня со спины в столь странном наряде мог только один человек.

– Евгений!

Женька Филиппов, опер из моего бывшего отдела, быстро сбежал по ступенькам и протянул руку:

– Здорово, охранничек. Что, достоялся?

– Достоялся. Догулялся.

– Пошли на улицу, подышим.

Мы поднялись, миновали небольшой предбанник, куда втиснулся раскладной столик с дразнящими глаза пестротой обложек книгами. Продавец – второй потерпевший – с простреленной головой лежал рядом. Мы вышли на улицу. Погодка была ничего, разгар бабьего лета.

– Хоть ты-то мне про баррикады петь не будешь? Что вы теперь, товарищ Ларин, по ту сторону, а мы по эту?

– Брось. Курить хочешь?

Я покачал головой. Я уже влип из-за курева. Лучше не усугублять.

– Давай, объясняй. Дежурный, мудила, ничего толком не знает.

– А, объяснял уже.

– Ну что ты как девочка? Я ж не Шурик.

– Что-то начальства маловато для такого варианта...

– Да ну, – махнул рукой Женька, – обычный налет, сами разберемся.

«Ни фиги себе обычный, – подумал я про себя, – два покойника. Лет пять назад здесь бы уже весь Главк собрался».

Мы присели на большую цементную клумбу, по каким-то неведомым причинам лишенную и цветов, и земли.

– Херня, в общем, какая-то, Евгенийй.

– Да уж, не сметана.

При чем здесь сметана, я не понял. Но у Евгения случаются порой трудности с языком.

– Ты ж вчера здесь торчал?! – вдруг опомнился он. – А говорил, через сутки дежуришь.

– Подменил одного типа. Юрик-халтурик. Да что уж теперь... Вообще, все как всегда. Пришел, нарядился, сел. С девочками ля-ля, книжонку полистал, во – «Русский транзит», с Витькой потрепался, с книжником. Он мне подбрасывал иногда литературу, чтоб не скучал на службе. Народу никого, сам знаешь, местечко – не центр, подвал к тому

же. Тишина, красота. Ни суеты, ни гомона. Полчаса до обеда оставалось. Даже нет, минут десять. Директор попросил подняться, на дверях постоять. Только встал, тут Леха – кассир – так и так, звонка жду сюда, должны вот-вот позвонить, будь другом, купи «Беломор».

Я, конечно, ему намекнул, что скоро обед, выйди и купи сам. А он пристал, зараза, – нельзя уходить, обещал, мол, сидеть. Ладно, думаю, схожу, не жалко. Разомнусь для большего аппетита. Вылез на улицу, подхожу к киоску – дзынь-дрынь – нет «Беломора». Дефицит, говорят. Во, дожили. Америки полным-полно, а фабрика Урицкого в дефиците.

Пришлось в гастроном переться, на площадь. Там очередь. Пока то, пока се. На халяву не пустили. Отстоял, купил. Возвращаюсь – мать их за ногу! Витька уже готов, а Леха дышит, но тоже не жилец – две дырки в груди. Я к бабам – что да как? Они ревут, визжат как зарезанные. А-а-а! Еле угомонил.

Лизка прояснила картину. Только, говорит, ты ушел, наверху, возле лотка, хлопок, будто шампанское в Новый год открывают. Мы не поняли сначала, что там. Вдруг влетают двое в чулках на головах. Здоровые. Один с порога в Леху – ба-бах! Из револьвера вроде. С барабаном то есть. Леха встать хотел, а тот еще раз. Второй нам с Ленкой: «Тихо, сучки! Не рыпаться!» Да куда там рыпаться! Наглядная агитация – вещь великая. Ребятки сразу к киоску кинулись. Выпотрошили, что было, – и наверх. Я поерзал на неудобной

клумбе.

– Короче, девки постояли, как замороженные, потом очнулись, побежали к выходу, а там – Витька с головой простреленной. Прямо в переносицу вlepили.

– Н-да, дела-делишки. – Женька вздохнул. – Много взяли?

– Откуда я знаю? В банк позвонили, сейчас приедут, посчитают.

– Веселая жизнь. Повезло тебе. Сейчас бы валялся с трупами за компанию, если б не «Беломор». Что ты со своей дубинкой против ствола?

– Это верно. Вот ведь заразы, знали, когда в магазине народу никого и что я без ствола там торчу. Хотя... Ничего особенного, понаблюдай пару дней, все местные секреты знать будешь. А валютчиков опускать – самое милое дело. Ни тебе проблем сбыта, ни проблем с сокрытием. Положил в кошелек – и фьюить. Если что – ничего не знаю, только что купил. Разумеется, у неизвестного с бородой. Рыжей. Восемьдесят восьмая нынче отменена.

– А может, подставочка? Под тебя?

– Брось, Евгений. Наслышался я про эти подставы. Каждый козел кричит: «Меня подставили, меня подставили!!!» Колесо с тачки свинчивает и горланит: «Меня подставили!» Или двери ломиком отжимает. Ну правильно, что-то надо кричать, когда прихватят. Да кому ты нужен со своим колесом? А все туда же – подставили...

– Ну вроде все как-то просчитано...

– Кому меня подставлять? Ну не пошел бы я за папиросами, схватил бы пулю. А Леха точно без «Беломора» жить не может. Как наркоман. Смолит без перерыва. Бросай курить, Евгений, не доведет до добра.

Женька щелчком выкинул окурочок. У дверей притормозила черная «Волга» – пикап с белой надписью «Аякс-банк». О, сам товарищ Вельский. Кажется, Тимур Львович.

Или Лев Тимурыч. Не, наоборот. Начальник охраны. Шеф. Бывший комитетчик, мастер всяких диверсионных штук типа пробития человеческой брюшины голой ладонью или стрельбы по-македонски. Навыки видны сразу, несмотря на небольшое брюшко и седые волосы. Также видна кобура, из которой торчит газовик, но с боевыми. Разрешение, само собой, в кармане.

Так, следом тащится его «правая рука», тоже вроде из военных. Что-то из области морской контрразведки. Но я не проверял. Слишком уж он молод и треплив для контрразведки. Валерик.

С третьим я был не знаком. Возможно, из руководства банка. Управляющего – Ильи Борисовича Алехина – в машине не было и быть не могло, по слухам, он сейчас в Германии отдыхает. В творческой командировке.

Бельский протянул руку мне, затем Женьке.

– Кирилл, поясни. Я махнул вниз:

– Там, Тимур Львович, все там.

Бельский повел подбородком, хмыкнул и спортивной рысью сбежал в магазин. Двое – следом.

Мы еще несколько секунд молча постояли на улице и, не стовариваясь, одновременно нырнули в подвал.

Там я опять уселся на ступеньки, а Женька скрылся в зале. Эксперты закончили пачкать киоск и упаковали изъятые следы, к преступникам, однако, никакого отношения не имеющие. Те в перчатках были, как водится. Возле сейфа копошился приехавший с шефом клерк, аккуратно, опасаясь заляпать экспертной сажей свой новенький костюмчик. Шурик Антипов снова принялся напрягать продавщицу.

Второй эксперт стамеской разделявал косяк директорской двери, куда, пробив Лехину грудь, ушла пуля. Сам Леха даже «скорой» не дождался. Я, конечно, сделал все, что мог, пять курсов мединститута оставили навык в оказании первой помощи, но в данном случае, как говорится, ему мог помочь только священник.

Беседовать со мной никто пока не собирался, и это понятно. Толковать со мной придется обстоятельно и не торопясь. Может, даже не в отделении, а где повыше. Потому что слишком много совпадений в рассказанной мною истории.

Мне эти совпадения таковыми вовсе не кажутся, но все равно чувствуешь себя не в своей тарелке от всяких скользких взглядов и намеков. Даже эксперты косятся. Пускай. Я себя виноватым не считаю, а стало быть, сижу на ступеньках спокойно, не суечусь. Ну, попросили сбежать. Хорошо, что

попросили. Я вовсе не собираюсь из себя героя строить. «Эх, повезло им, что я ушел, а то...» А то что?... Вот именно. Тебе повезло, а не им. Радуйся. Радуюсь. Однако шустрые ребята. Хлоп одного, хлоп второго. Умеют убивать. Спокойно, не нервничая. Суки.

– Сумка чья?

– Кирилла. – Лизку вечно за язык тянут, у меня, можно подумать, языка нет.

Эксперт убрал черную монтановскую сумку под прилавок.

– Кирилл, зайди сюда, – поманил меня из директорского кабинета следователь. – Надо уточнить кое-что.

Уточним. Сколько хотите.

Я соскользнул со ступенек, выпрямился на ходу и зашел в кабинет. Алла Сергеевна, полная дама, страдающая одышкой от непомерно употребляемого никотина, уже, вероятно, отчиталась следователю по всей протокольной форме и по обыкновению садила любимый «Беломор», пуская в приоткрытую форточку сизые кольца. Сергеевна, наверно, скоро дышать начнет дымом, даже гильзу не сжимает, курит так, трубкой.

Следователя я знал, родной район все-таки. Интересно, он меня колоть будет? Или так, чисто формально? Оказалось формально. Все верно. Я бы на его месте тоже формально.

Трескотня директорского вентилятора была по ушам, но он хоть немного разгонял едкий смог папирос. Следователь

протянул чистый бланк.

– Сам знаешь, где подписаться.

Я, усмехнувшись, предупредил себя об ответственности за дачу ложных показаний, расписался в том, что не нуждаюсь в переводчике и русским языком владею нормально. Следовательно, почти ни о чем меня не расспрашивая, записал показания, дал мне еще раз расписаться и, улыбнувшись, кивнул на дверь. Я не возражал.

Вернувшись в холл, я поднялся на лестницу и снова сел на ступеньку. С Лизкой уже шептался не только Шурик, но и Валерик с Тимуром. Лизка – баба ничего. Трепловая, но фигурка как у богини. Отчего ж не пошептаться?

По-моему, там разговор ушел несколько в сторону. Несется что-то об очередных приключениях Петьки с Чапаевым. У Лизки рот до ушей. Молодцы, ребята, умеют развлекать.

Я встал и отправился наверх, помогать постовому разъяснять любопытствующим гражданам, что ничего страшного не случилось и не стоит создавать лишний ажиотаж.

Глава 2

Пальцы правой руки забегали по клавиатуре Ай-Би-Эм. Так небрежно, но ловко. Пауза, взгляд на дисплей, еще пара щелчков.

– Ну вот... Ларин Кирилл Андреевич, 1963, родился в Ленинграде. Родители – врачи. Школа, Санитарно-гигиенический институт, отчислен с пятого курса. С 1987-го года в органах, в должности оперуполномоченного уголовного розыска. Последнее звание – капитан.

Уволен по собственному летом 1994 года.

В 1983 году родители уехали в Крым в связи с болезнью матери и необходимостью перемены климата. Живут у своих родителей в Черноморске. В 1985 году женился, но через год развелся, разменяв двухкомнатную квартиру родителей. В настоящее время сожительствует с Соколовой Викторией Сергеевной, проживающей по адресу Садовая, 12/а, квартира 13. Детей нет.

По характеру честолюбив, вспыльчив, но отходчив, скрытен. Начитан, вредных привычек, правительственных наград и спортивных достижений не имеет...

Интересно, а почему правительственные награды они засунули между вредными привычками и спортивными достижениями? И вообще, ему что, почитать вслух захотелось? Осведомленность показать хочет? Мол, в анкете этого не бы-

ло. Так я его топтунов-ходовков через полчаса срубил, просто вида не показывал. Хотят – пусть ходят. Негласная проверка кандидата. Гляди ты, шпионы банковские. Мы, конечно, не ГРУ, но контора тоже солидная, все знать должны.

– Вот такие дела...

Полуоборот в кресле и постукивание пальцами по стеклянному офисному столу. У меня от этих офисных наворотов в глазах рябит. Никак привыкнуть не могу.

– Видишь ли, дорогой мой... Слишком много «но», от которых очень дурно пахнет. Я понимаю, прямых улик нет, но мы не в суде и не в милиции. Это ведь твои принципы – виновный должен быть наказан даже при отсутствии доказательств. Совершил – получи... Да? Так кажется? Прецеденты были.

– К чему эти разговоры, Тимур Львович?

– К тому, что надо искать выход из сложившейся ситуации. Крайне неприятной ситуации, хочу заметить. Может, не столько для тебя, сколько для нас. Служба безопасности не справляется с возложенными на нее обязанностями. Банк несет убытки, подрывается репутация, страдает престиж. А из-за чего? Из-за того, что какой-то охранник Ларин не выполняет своих функций охраны.

Тимур – демагог. Любит издалека заходить.

– Попросили, видишь ли, за «Беломором» сходить. Сказки для прокурорских следователей. Они-то с удовольствием твои рассказы заглотили. Дальше копать не надо. «Глухарь»

и «глухарь». А мы-то трезво смотрим на вещи.

Это он к чему? Хочет сказать, что в прокуратуре все пьют? Пьют, но не все.

– Но меня действительно Леха попросил.

– К сожалению, это всего лишь слова. Твои слова. Кто-нибудь еще слышал?

– Ну, Лизка могла слышать.

– Увы. Не слышала.

– Но «Беломор»-то я спрашивал. И в киоске, и в гастрономе.

– Все верно, дорогой мой, все верно. Очень хорошая обстановка. Железное алиби. Хотя никто и не утверждает, что стрелял именно ты. Я всего лишь подозреваю, что ты знаешь, кто это мог сделать. Мы подозреваем. Я говорил с Шамилем. Его-то байка с «Беломором» просто рассмешила.

– Я вообще не должен был вчера работать. Вон, Юра попросил.

– К сожалению, это еще одно очко не в твою пользу. Ты бы лучше не заикался о Юрке. Во сколько он позвонил?

– В восемь примерно.

– И что, с восьми у тебя не было времени, чтобы воспользоваться представившейся возможностью? А момент выбран крайне удачно. И сумма завтра большая будет, и Юрик позвонил. Замечательно.

Во ведь как повернул. Лихо. А Лизка, сучка, где не надо, всегда ухо сунет, а тут не слышала. И с чего это вдруг о Ша-

миле Тимур вспомнил? Хотя понятно. «Крыша». «Крыша» решает все. Казнить или миловать. Даже Алехин, так, номинал. Штатная единица. Шамиль, вот кто здесь хозяин. И Тимур с Валериком, и офис этот пестрый – для номинала, не более. Потому что должны быть. Как везде. Так что зря, Тимур Львович, вы по компьютеру пальчиками бегаєте и свою значимость-силу показываете. Не убеждает.

– Значит, вот что мы порешим...

Опять мы. И уже порешить собрались. Ну ладно, слушаем дальше...

– Деньги надо вернуть.

– Да, хорошо бы.

– Зря шутишь. Не в твоём положении хохотать. Деньги надо вернуть тебе. Срок – месяц, потом начнут капать проценты. Сумму знаешь?

Пальчики оторвали листик с липкой кромкой, и «паркер» вывел число.

– Для памяти.

Я сосчитал нули:

– Это нереально.

– Проблемы появляются у того, кто их создает. А ты что, справочкой из ментуры отделаться хотел? Так нам она не нужна. В нарсуд с иском на тебя не пойдем и ревизорам государственным отчитываться не собираемся. Через месяц деньги должны быть здесь. И учти, мы идем на большую уступку.

Хорошенькая уступка. Вернуть почти тридцать «лимонов» за месяц. Я же не Рокфеллер.

Валерик, сидевший у окна и все это время молчавший, понял мои легкие финансовые затруднения и как бы невзначай подсказал:

– У тебя ведь квартира имеется...

И тут я задал самый остроумный за всю беседу вопрос:

– А жить я где буду?

Но он не понял моего тонкого юмора и абсолютно спокойно заявил:

– Поменяйся на коммуналку, переезжай в Крым или к этой своей Соколовой.

Все просто, как сметана. Почему сметана? От Женьки навзврался.

– И учти, – продолжал Валерик, – никто не собирается бегать за тобой и напрягать. Время паяльников и утюгов кончилось.

Ага, вот, значит, зачем они мне компьютер показывали. Никуда ты, Ларин, от нас не денешься. И Вика, и родители в Крыму. И честолюбив, и правительственных наград не имеешь. Все знаем. Если что, достанем. Да, влип. Вчера Шурик Антипов на мозги капал, даже в камеру посадил на три часа. Сидел, надписи рассматривал: «Бей легавых сук», «Маша плюс жопа равно любовь», ну и все в таком духе. Но с Шурика взятки гладки. Он больше для самоуспокоения трепыхается – мол, отработали на причастность. А эти?... Им эта

причастность до фонаря. Им бабки вынь да положи. А то...

– Я свободен?

– Конечно, дорогой.

Пальчик легким щелчком сбил пылинку с рукава.

Я встал и двинулся к двери.

– Не забудь, Ларин, – бросил напоследок Валерик, – коли что случится, тебя ждет праздник. Праздник цвета давленных клопов...

В холле, за дверьми тимуровского кабинета я столкнулся с Юриком.

– Ты ж понимаешь, Кирюха, я не специально, – слегка заикаясь, замямлил он. – Кто ж знал?

Он всегда заикается, когда волнуется. Это не упрек, естественно. Юрику, честно говоря, не позавидуешь. И заикается, и астматик. Постоянно с ингалятором – штучкой такой, в рот пшикать.

– Понимаю, Юрик, понимаю...

– Ты смотри, если надо будет, я тебя всегда подменю. Если б не теща...

У подъезда рядок иномарок. «БМВ» Шамиля тоже здесь. Банк, наверно, – его первое крупное детище. Его группировка на фоне остальных широким размахом не выделяется. По крайней мере, не на слуху, как казанская или тамбовская. Хотя Шамилю такая реклама и не нужна. От нее только лишняя головная боль. И бойцы его скромняги, пальцы веером не распускают и не кричат, где придется: «Мы Шамиля, мы

Шамиля!» Все очень скромно. Но его действительно боятся. И про утюги Валерик не просто так вспомнил.

Месяц назад автомобиль одного коммерсанта, взявшего ссуду в «Аяксе» и вовремя ее не вернувшего, взлетел на воздух вместе с хозяином. Как оказалось впоследствии, не без помощи пластиковой мины с дистанционным управлением. Так что долги лучше отдавать вовремя. А кому вы это объясняете, товарищ Ларин? Кажется, вы себе это объясняете. На всякий случай.

Глава 3

Уперся. Не в стенку, а в ситуацию. Безжалостное время съело уже две недели из отпущенного мне срока. В бега я, разумеется, не подался. Не в леса же уходить, в самом деле. Я не Рэмбо, не в Америке. А в лесах Ленинградской области через два дня с голодухи ляжешь помирать на бруснике. Да и смысла-то в бегстве? Я ж, в конце концов, действительно не виноват. Но чем ближе подходил день «М», тем больше хотелось убежать.

В отделении, естественно, висел «глухарь», и раскрывать его не торопились. Двойным убийством сейчас никого не удивишь. И потом... я бы сам на месте Шурика не очень волновался. Даже зацепиться не за что, поэтому напрягать не будут. Так, на уровне проверки справок в дело – проверены схожие по приметам, склонные к аналогичным преступлениям и ранее судимые. Банальный, типичный, рядовой случай.

Финансовое положение у меня тоже было катастрофическим, еле рассчитался за недавние долги. А Валерик так, изредка, но вставит словечко со смыслом, типа давленных клопов.

Все эти поганые мысли лезли в мою бедную голову, когда я стоял в подземном переходе и слушал блюз одинокого саксофониста. Кажется, Легран. Па-да-ба-да... Немного фальшивит на басах, от усталости, должно быть.

Поток людей чем-то напоминал реку, а музыкант – камешек, у которого течение немного задерживалось, но затем мчалось дальше, влекомое невидимой, непреодолимой силой.

Наверху шел легкий осенний дождь, грозивший перейти в крупный ливень, но я не хотел уходить. Доехать домой всегда успею. Почему-то в этом переходе я чувствовал себя спокойнее и уютнее. Просто хандра. Или этот блюз? Блюз осеннего вечера. Па-да-ба-да...

– Здорово.

Полуоборот, протянутая рука.

– Привет.

– Скучаем?

– Есть немного.

– Так может сходим, развеемся? Не сильно. Дождик переждем.

– Денег нет.

– Найдем. Тут рядом. Побазарим.

Может, в другой раз я бы и отказался, но сегодня...

– Пошли.

Забегаловка и вправду оказалась совсем неподалеку. Надо же, сколько тут работал, а не знал. В подъезде жилого дома. И внутри ничего – даже пальма в кадке имеется. Пара человек за столиком. Еще три столика пустуют.

Я занял место в самом темном углу. Пригласивший меня больше жестами, чем словами, объяснял девочке за стойкой,

чего мы, собственно, желаем. Водочки, само собой, той самой, с «фф» на конце, закуску лучше натуральную, свежеприготовленную.

Немногословность была его характерной чертой. За что на зоне он получил кличку «Молчун», а от меня – псевдоним «Тихий». Года три назад он влетел за карманную кражу. Я бы сказал, сдуру влетел. Это не его профиль. Он специалист по гардеробам. Любым. В парикмахерских, в школах, в детских садах, в конторах. Где нет охраны. А люди ведь частенько доверяют охрану своих ценностей только карманам верхней одежды. А тот кошелек... Дамочка очень уж откровенно сумочку не застегнула. Молчун позарился. Ну и лопухнулся по неопытности. А в кошельке рубль с мелочью...

Крик, шум, заява. У него уже срок в загашнике был. Вилы. Ему так показалось, что вилы. На самом деле никто бы его за этот кошелек не закрыл. Теоретически – да, возможно. Но практика, она куда сильнее. А он не знал.

И когда страсти немножко поулеглись, потерпевшая со свидетелями сгинула, я положил перед Молчуном заяву и печать. Очень доходчиво объяснил, что, если сейчас эти две штуки соприкоснутся, он сидит. Молчун сразу все понял, без лишних вопросов.

Что надо? Да все того же. Помощь. Стучать? Нет, старина. Помощь. Стучат, знаешь ли, в силу гнилостной души, а помощь оказывают в силу сложившихся обстоятельств. А обстоятельства, извини, ты сам создал. Так что моральный ас-

пект оставим глубоко внутри. Мне свой хлеб тоже зарабатывать надо. Преступления раскрывая.

Сергей Иванович долго не раздумывал. Стал помогать. И довольно успешно. Молчун предмет знал. Пара квартирных групп, наркотики, разбойнички. Да и мужик, в общем-то, неплохой оказался. Приворовывал – было, но меру знал. Я его ни разу не подставил. Потому что доверял.

Когда меня выгоняли, я встретился с ним и сообщил, что все – он вольная птица и отныне может строить жизнь по собственному усмотрению. Молчун, как всегда, был немногословен. Кивнул и сказал лишь одно слово: «Спасибо». Я-то понял, за что он благодарил. За то, что я скатиться ему тогда не позволил. Он бабу нашел, в кооператив пристроился, с кражами завязал. Почти. Помощь оказывал, так что ж? Лечение никогда не проходит безболезненно.

Он вернулся с пластмассовым подносом, на котором уместились две плоские пиццы, согретые в микроволновке, и два высоких бокала, на дне которых плескалась прозрачная водка.

– Незадача?

– А что, заметно?

– Заметно.

– Есть немного. Переживу.

– Давай за встречу.

Мы, не чокаясь, опрокинули стаканы.

– Разбавлена. И здесь дурят.

Молчун, наверно, был знатоком.

– Где ты сейчас?

– В магазине, валютник стерегу.

– Где стреляли?

– Там. Слышал?

– В газетах было.

– Понятно. Разговорчиков не было? Может, наши?

– Привычка, что ли? Ты ж на воле.

– Какая привычка?! А, ладно, к черту. Я сам там был. Най-

ти их надо.

– А-а-а. Про наших не слышал. И не услышал бы. Болтать о таких вещах все равно что розетку при включенном питании чинить.

– И то верно.

– Сам что думаешь?

– Ничего не думаю. Неохота думать. На меня бабки повесили. Без малого тридцать «лимонов». Через две недели срок.

– Нехило.

– Нехило. Вот, жду.

– Я и смотрю, не такой ты. Может, расскажешь? Все равно ждешь.

Я поковырялся в пицце вилкой и выложил Молчуну историю с налетом. Скорее, душу излил.

– Вот так, вроде не виноват, но фактики. Фактики-фантики...

– Да, беспредел идет. Двух человек из-за какой-то валюты. Я, Андреич, сам не ангел, воровал. Что было, то было, да ты знаешь. Но убить?! Скоты.

– Время такое.

– Чушь. После войны тяжелее было, а не беспредельничали.

Я опять начал ковыряться в плоской пище. Спорить о моральном падении общества – то же самое, что толковать гулящей бабе о вреде абортотв.

Мы помолчали несколько минут. Затем я положил вилку.

– Пошел я, Сергей. Спасибо.

– Погоди, дождь ведь.

– Не растаю.

– Да, скис ты. Это зря. Бывает хуже.

– Да разберусь. Или, – я усмехнулся, – со мной разберутся.

– Ты работал когда-нибудь на конвейере? – неожиданно спросил Молчун.

– Нет. Если, конечно, ментура за конвейер не сойдет, то нет.

– Знаешь, что там самое паскудное? Тупеешь. Каждый день одно и то же, каждый час одно и то же, каждую секунду одно и то же. Ты отучаешься думать. Я спрашиваю, ты работал на конвейере?

– Нет, – еще раз ответил я.

– Преступления – это тоже своего рода конвейер.

– На философию потянуло?

– Погоди.

Сергей отошел к стойке и вернулся с еще двумя стаканами водки.

– Все одно и то же. Можно менять форму, суть остается прежней. Можно украсть, ограбить, убить... Суть одна – нажива и власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.